

Социология: проблемы развития

Отечественная социология: проблема выхода из состояния преднауки и поиска новых стратегий

Тихонов Александр Васильевич —
доктор социологических наук, главный научный
сотрудник, руководитель Центра социологии
управления и социальных технологий Института
социологии РАН

e-mail: alvast@isras.ru

Отечественная социология: проблема выхода из состояния преднауки и поиска новых стратегий

Аннотация

В статье говорится о необходимости преодолеть чрезмерную фрагментацию социологического знания, сделать ряд шагов для приобретения социологией дисциплинарного статуса и выйти на проблемно-ориентированный тип фундаментальных исследований.

Abstract

The article speaks of the necessity to overcome the fragmentation of sociological knowledge and raise sociology to a new disciplinary status. The new stage of its development is related to wider proliferation of the problem-oriented type of fundamental research.

Ключевые слова: социальная теория, социологическая теория, объяснительная социология, деятельностно-активистский подход, П. Бурдьё, постнеклассическая наука

Keywords: social theory, sociological theory, explanatory sociology, action activist approach, P.Bourdieu, post non-classical science

Эта статья продолжает теоретико-методологические размышления автора о состоянии отечественной социологии и поиске путей выхода на новый этап своего развития [1, 2, 3]. За последние двадцать лет отечественная социология во многом синхронизировалась с европейской и мировой социологиями и приобрела при этом не только плюсы, но и минусы. К ним добавились и свои собственные, о чем весьма обстоятельно пишет заместитель главного редактора журнала «Социологические исследования» Н. В. Романовский¹ [4]. Он выделил и описал внутренние и внешние факторы

¹ При этом обращаем внимание читателя, что в этой статье собран и систематизирован достаточно богатый критический материал, который даёт пищу для дальнейших размышлений.

динамики мировой и отечественной социологии и обратил при этом внимание на парадоксальность такого факта: удивительная способность России неоднократно наступать на одни и те же грабли и при этом проявлять слабую заинтересованность в научных знаниях относительно причин происходивших катаклизмов. На самом деле механизм неостребованности российским обществом науки об обществе не прост. Прежде всего, социология не находится непосредственно в зависимости от состояния и изменений своего главного объекта, что для наук о природе было бы вполне естественно, а включена в сложную механику отношений между наукой, властью и обществом. Приведем только один, но «неслабый» пример из новейшей истории, по публикации бывшего советника правительства Гайдара профессора О. И. Шкаратана [5]. Ему удалось накануне реформ 1992 г. пригласить в Москву группу высококвалифицированных специалистов по проблемам их проведения в составе Ф. Э. Кардозу, М. Карноя, М. Кастельса, С. Коэна и А. Турена. Эти уважаемые ученые и политики пытались открыть глаза президенту Б. Н. Ельцину на последствия для России тупого следования рекомендациям Всемирного банка и предлагали обоснованные альтернативы. Нужно сказать, что эта консультация проводилась добровольно и бесплатно. С российской стороны в подготовке обширного документа приняли участие, помимо О. И. Шкаратана, Ю. А. Левада, В. А. Ядов и Л. Ф. Шевцова. Практический результат попытки ученых повлиять на власть в самом начале принятия ею судьбоносных решений для страны (речь ведь шла о возвращении к капитализму после 74 лет строительства нового общества!) был нулевой. Так что уроки нужно извлекать, но не только власти и обществу, а и самим социологам, многие из которых сегодня усердно стараются усовершенствовать «дикий капитализм», как раньше советские обществоведы шлифовали «развитой социализм». Есть впечатляющие историко-сравнительные данные Э. И. Колчинского (ИИЕТ РАН) о взаимоотношениях науки, власти и общества, начиная с Нового времени и кончая современностью, которые заставляют и социологов задумываться относительно перспектив своей науки [6]. Да мы и сами хорошо помним, как она запрещалась у нас (в мире есть еще только один аналогичный пример – Германия) и как трудно нам дался ее возрожденческий этап. Поэтому если отечественной социологии,

как оптимистично считает С. Г. Кирдина¹, выпадет шанс преодолеть полипарадигмальную фрагментацию в мировой социологии и внутри себя путем диалога и методологического синтеза разных стратегий ее развития [4, с. 556], то следовало бы обсудить, по крайней мере, еще два вопроса: 1) в какой степени отечественная социология отвечает сегодня критериям современной постнеклассической науки и 2) может ли наша социология претендовать на признание ее в своем обществе, если она не обращается к нему с новыми идеями, а, в основном, выполняет обслуживающие функции в системе власти и бизнеса.

Сама постановка этих вопросов более чем актуальна для социологии и для российского общества, переживающего время от времени радикальные изменения. Устойчивое развитие – это даже не стратегия, а «голубая мечта» современного общества-государства в непрерывно меняющемся мире. Она остается таковой не только для периферии и полупериферии миросистемы, по И. Валлерстайну, но и для наиболее благополучного «ядра» ее, для т. н. «золотого миллиарда», в который мы, увы, не входим. Последний мировой финансово-экономический кризис (и он же первый кризис глобального постиндустриального общества), показал, что не все так хорошо даже в «лучшем из миров», что тогда говорить о нас. Поэтому и мировой, и нашей социологии еще рано, а может быть и вообще не надо отказываться от общества как от своего научного объекта, заменять его социумом, общностями, социальной сферой или таким аспектом, как гражданское общество. Все это можно и нужно делать в отдельных направлениях исследований. Ведь позитивистски ориентированная программа науки об обществе О. Конта заявляла только об одном, что наряду с явлениями природы, ответственность за изучение которых взяли на себя естественные науки, так же строго и так же последовательно надо заниматься изучением общества как целого, выдвигая гипотезы и проверяя их на основе твердо установленных позитивных фактов. Тем самым был брошен вызов не только теологии и спекулятивной философии того времени, но и всему вненаучному

¹ В упомянутой статье С. Г. Кирдиной [7, с. 543 и др.], говорится не только о шансе преодолеть полипарадигмальность, но и методологическом противостоянии западных и не западных подходов как индивидуалистического и холистского. При этом холисты третируются как «неполноценные» теоретики. Это похоже на разжигание «внутривидовой борьбы» в социологическом сообществе. Нам крайне нежелательно участвовать в такой борьбе. Она контрпродуктивна. У нас есть фундаментальная работа по истории теоретической социологии в 5-ти томах, под редакцией Ю. Н. Давыдова и целый ряд других работ, по истории мировой и отечественной социологии, что позволяет занять взвешенную позицию.

и паранаучному потоку социального знания, непрерывно генерирующему идеи путем непосредственного наблюдения над травмирующими сознание социальными явлениями. Естественным наукам во все времена производить теоретизирование было намного проще, чем социологии, которая и сейчас не вышла, на наш взгляд, из стадии преднауки. Объекты естественных наук не имеют знания о самих себе и не манифестируют свое согласие или несогласие с наукой, когда та отклоняется от реальности или когда она прогнозирует явления на основе познанных закономерностей. Уже только поэтому естественнонаучному знанию удалось успешно пройти период полипарадигмальности, разработать более или менее согласованные позиции для теоретического дискурса и определиться по своему отношению к практике. Дело дошло до того, что сегодня естественные науки не испытывают острой необходимости опираться на схемы производственной практики, как это было в начале их пути, а способны генерировать новые, непривычные для практики, предметные миры и тем самым опережать происходящие в ней изменения. Из практики не вытекали, например, многие новые физические и химические свойства тел и веществ, открытые наукой. В практике само собой не появилась ни электрическая, ни ядерная энергия, не говоря уже о нанотехнологиях или о клонировании живых организмов. Все это сделано путем разработки теорий, выдвижения гипотез и их экспериментальной проверки в специально созданных лабораториях, или, говоря шире, в искусственно созданных приборных комплексах типа синхрофазатрона или коллайдера.

В социологии ничего подобного не происходило. Ее теории становились все более обширными и детализированными в понятийном отношении, но все равно еще мало чем отличающимися от социальных наблюдений над схемами практики. Уже то, что общества типологизируются в социологии по способу производства, говорит о том, что сначала происходят изменения в практике, а потом появляются теории, описывающие эту практику и критикующие ее очевидные недостатки. Так появилось представление об индустриальном обществе, которое пришло на смену аграрному. А. Сен-Симон, О. Конт, У. Спенсер и Э. Дюркгейм говорили о «промышленном обществе», К. Маркс и М. Вебер о «капиталистическом обществе» тогда, когда эти общества уже возникли в ходе промышленной и буржуазной

революций. Каким же образом наблюдения над практикой отразились в социологических теориях и что это были за теории? Можно ли их отнести к социологическим?

У всех ведущих социологов XIX в. основным системообразующим элементом общества выступала экономическая подсистема, которая, по теории, задавала его тип, структуру, принципы организации и формирования социального порядка. Основным механизмом функционирования и развития общества признавалось разделение труда и связанная с ним его социально-профессиональная и классовая дифференциация, хотя, конечно, это не единственный способ структурирования социального. К. Маркс увидел в этом механизме антагонистические отношения между трудом и капиталом и выдвинул всеобъемлющую эвристическую теорию смены общественно-экономических формаций, не потерявшую значения и до сего дня. Он не только исходил из анализа практики, но и возвел ее в критерий истины, чем значительно притормозил теоретизацию общественных наук. Что ценного было в работах этих первопроходцев социальной мысли? Они концептуализировали отдельные явления практики на начальной стадии формирования индустриального общества, создали систему соответствующих дефиниций и использовали их для описания его состояний и изменений. У О. Конта это статика и динамика из доквантово-механической физики с весьма надуманной теорией «трех стадий», у К. Маркса – идеи отчуждения, прибавочной стоимости и классовой борьбы, взятые из критики Гегелевской философии и политэкономии, у Г. Спенсера – эволюционные изменения социального порядка как организма (из биологии), у Э. Дюркгейма – идеи социального факта, механической и органической солидарности (из теории разделения труда и наблюдения над коллективным сознанием), у М. Вебера – идея решающей роли целерационального социального действия в развитии западного общества (из протестантской этики). Все это были значительные шаги в деле концептуализации социальной реальности и в методах изучения социальных явлений, но еще слишком далекие от того, чтобы эти теории можно было назвать социологическими. Примером тому является противоположность позиций и понятийного ряда терминологии, описывающей реальность у таких классиков, как Дюркгейм и Вебер, хотя такие концепты, как «коллективные представления», «идеальные типы» вполне можно отнести к социологическим. Если они и имели отношение

к переживающей становление науке об обществе, то как этап, похожий на этап «великих географических открытий», когда каждый первооткрыватель, находясь под впечатлением от увиденного, давал наименования открытым явлениям по своему усмотрению. Поэтому нам так трудно сегодня увязывать их терминологию в связную теорию, ведущую к социологическому описанию и пониманию свойств и строения социальной реальности.

Положение в социологии как объявленной, но нереализованной науке об обществе мало в чем изменилось и в 20–70е гг. XX в. Здесь также были сделаны новые открытия «континентов», но уже на основе обобщения динамики индустриальных обществ. Так выяснилось, например, что либеральный капитализм, развивающийся через череду кризисов, чтобы как-то смягчить их последствия, превратился в государственно-монополистический. Наряду с тем, что экономическая сфера продолжала рассматриваться как доминирующая, были отмечены изменения в содержании и характере труда, в отношениях собственности, в отношениях между экономикой и сферами политики и государственного управления. В структуре общества были выделены уровни управления: социетальный, институциональный, менеджеральный и технический. Появились и новые понятия: «массовое общество», «посткапиталистическое общество», – как следствие крупномасштабного производства и нового образа жизни. Как раз в этот период много говорили о возможности конвергенции капиталистической и социалистической систем, поскольку и та, и другая имели общие черты индустриального общества. Появилась и фундаментальная работа Т. Парсонса на основе методологии структурного функционализма, претендующая на роль новой всеобъемлющей теории. Эта попытка почти сразу была раскритикована и в СССР, и на Западе, но, возможно, в этом и была ее самая большая заслуга в деле становления социологии как науки. Критиковали ее, прежде всего за доминирование целого (общества) над человеком, за обращение к органическим и биологическим аналогиям, за преувеличение роли социального порядка над его изменениями и, соответственно, за принижение роли конфликтов и девиации в развитии общества, за отсутствие анализа социальных классов и за многое другое. В частности, за тавтологичность отдельных понятий и невозможность их операционализации. Все это имело место, но, тем не менее, нельзя не отметить, что вместе с этой критикой

через заимствования стали развиваться другие подходы и теории, которые стали называться социологическими. Влияние К. Маркса и Т. Парсонса можно и сегодня найти в работах Дж. Александера, Р. Коллинза, Э. Гидденса, Дж. Тернера, Ю. Хабермаса, П. Бурдьё, П. Штомпки и в работах многих отечественных социологов. В то же время именно Т. Парсонс явил собой первый пример создания не социальной, а именно социологической теории общества, на основе идей и достижений таких общенаучных дисциплин, как теория систем и кибернетика. Его четырехфункциональная парадигма (AGIL) уже не содержала видимых следов практики, а позволяла теоретизировать на тему поддержания внутреннего гомеостаза с внешним окружением идеально структурированной системы в разных исторических условиях, культурах и обществах¹. Это старая, но всегда современная идея для теоретической социологии: внутри системы главное – отношения между ее частями и целым, а вовне – общая реакция социальной системы как целого на вызовы и угрозы. Для описания этих разных состояний потребовался особый теоретический язык, который и попытались создать Т. Парсонс и Р. Мертон.

Тем временем, на рубеже 1960-1970-х гг. в западных обществах стали происходить изменения, которые позволили сначала определить их как постиндустриальные, а затем более точно – информационные. Эти изменения были заданы информационно-компьютерной революцией, обусловленной научно-техническими достижениями, что нужно отнести на счет признания обществом особых заслуг естественнонаучного корпуса знаний [8]. Здесь наука в прямом и переносном смысле проявила себя новой производительной силой, предлагая обществу впервые в истории человечества новый ресурс – научные знания. Используемые до этого в качестве ресурсов свойства природы, труд и капитал, составлявшие универсальные условия существования человеческих обществ, стали терять свое исключительное значение, а научное знание, воплощенное в новой технике и в инновационных технологиях, впервые стало в массовом порядке менять традиционную практику. Осмысление этих новых явлений происходило в рамках социально-философских теорий, которые нельзя назвать социологическими. Это общество «третьей волны»

¹ Свои идеи Т. Парсонс развивал на протяжении 40 лет, и судить о его вкладе в социологию следует все же по поздним работам: «Система современных обществ» (1971) и «Социальное действие и условия человеческого существования» (1978). У нас они остаются ещё мало прочитанными.

у О. Тоффлера, «постиндустриальное общество» у Д. Белла и А. Турена, «общество сервисного класса» у Р. Дарендорфа, «посткапиталистическое общество» у П. Друкера и др. В этих теориях произошел своеобразный эффект «открытия Америки», когда Колумб вместо нового пути в Индию, открыл «Новый Свет», а здесь, поскольку до этого все теории строились на признании ведущей роли индустриализма, открыли постиндустриализм, хотя это был уже совсем другой континент, с другой ролью науки и с другими теориями. Социологическая литература наполнилась новой терминологией от наблюдений за происходящими в информационном обществе изменениями, для которых еще не выработаны подходящая маркировка и понятийный аппарат в общей социологии, но он появляется в отраслевых социологиях, в таких, например, как социология знания, социология организаций и управления и ряде других [см., например, 6, 7, 8].

В итоге, как пишет о новой ситуации в теоретической социологии Н. А. Полякова, она характеризуется не столько необходимостью смены старой парадигмы, по Куну, сколько осознанием потребности в ревизии всего исторического пути развития социологических представлений об обществе. «Задача состоит в том, – пишет она, – чтобы построить новую теорию, хотя бы сопоставимую по своей эффективности с теорией общества Т. Парсонса... В этом направлении движется социологическая рефлексия целого ряда авторитетных социологов» [9]. В наши задачи не входит сейчас детальный анализ того, кто и как движется в этом направлении. Можно только в качестве примеров назвать «логическую социологию» А. А. Зиновьева, теорию социальных механизмов Т. И. Заславской, теории социальных матриц С. Г. Кирдиной и социальной стратификации (О. И. Шкаратан, Н. Е. Тихонова, З. Т. Голенкова), введение в теорию социального пространства А. Ф. Филиппова, парадигмы Т. М. Дридзе, концепцию «социологии жизни» Ж. Т. Тощенко, антропосоциетальную теорию общества Н. И. Лапина, социологию социологии А. Г. Здравомыслова (особенно в его последней книге [10]). Это, конечно, только некоторые примеры того, что существует в «мейнстриме» теоретизации отечественной социологии, который способен, на наш взгляд, вывести ее на уровень дисциплинарной науки. В то же время следует включить в орбиту социологического дискурса и альтернативные подходы, относящие себя к неклассической социологии, хотя уже самое время

говорить о постнеклассической, в соответствии с тем, как обозначает себя современная наука. В. А. Ядов в своей весьма информативной работе «Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций» [11] специальное внимание уделяет тенденциям разработки интегративных теорий [11, с. 81], где перечисленные им авторы пытаются «диалектически интегрировать системно-структурные, конструктивистские и феноменологические подходы». Можно сказать, что «процесс пошел», но вопрос о том, в какой мере сопоставим эпистемологический статус знания об обществе в этих теориях с социологическим, остается открытым.

Важно подчеркнуть, что основными препятствиями дальнейшей теоретизации мировой и отечественной социологии являются: 1) упорное неразличение в теориях социологической и социальной реальности, что, на наш взгляд, связано с традицией описывать и объяснять социальное через социальное и называть это социологией; 2) несоразмерное смещение внимания в определении социологии как науки об обществе на объект (общество с его модификациями), вместо того, чтобы сделать разумный акцент и на слове «наука» и ответить на вопрос: в какой мере современная теоретическая активность в социологии соответствует современному состоянию теоретического знания в развитых отраслях науки?

Что касается первого препятствия, то хочется предложить читателю открыть любой наш или западный учебник по социологии на выбор, чтобы самому убедиться, что авторы многократно упоминают слова «социальная теория» и «социологическая теория» как синонимы. Это то же самое, как если бы физик, химик или биолог называли свои дисциплины природоведческими. При наличии такого словоупотребления уже можно было смело говорить о нахождении социологии на преднаучной стадии своего развития. Но можно привести и более конкретные примеры. Так, Брайан Тернер, редактор и издатель «Journal of classical sociology», выпустил целый ряд крупных теоретических работ по социологии. Поскольку центр развития социологии, по его словам, снова перемещается в Европу, он пишет: «Европейская социальная теория, возможно, снова займет доминирующую позицию в мировом развитии социальной теории» [12]. Можно подумать, что речь идет о констатации реального положения дел в социологии, которая относится к социальным наукам. Это было бы

Основными препятствиями дальнейшей теоретизации мировой и отечественной социологии являются:

1) упорное неразличение в теориях социологической и социальной реальности, что, на наш взгляд, связано с традицией описывать и объяснять социальное через социальное и называть это социологией; 2) несоразмерное смещение внимания в определении социологии как науки об обществе на объект (общество с его модификациями), вместо того, чтобы сделать разумный акцент и на слове «наука» и ответить на вопрос: в какой мере современная теоретическая активность в социологии соответствует современному состоянию теоретического знания в развитых отраслях науки?

верно, поскольку по своему генезису все социологические теории являются социальными, но ведь не все социальные теории являются социологическими.

Последний тезис игнорируется на каждом шагу. Более того, в большинстве случаев это сознательная позиция. Так, ссылаясь на мертоновский принцип «дисциплинарного эклектизма», который понимается как открытое, свободное и терпимое отношение к альтернативным объяснениям в науке, подверстывают совсем другой эклектизм – «без принципный». Например, в докладе Фонда Гулбенкяна (под ред. И. Валлерстайна) с названием «Open Social sciences» призывают к объединению социологии с психологией, экономикой, антропологией, когнитивной наукой, политической наукой. М. Доган, поддерживая эту идею, считает, что это надо сделать для того, чтобы изменить старую классификацию социальных наук и перейти к их новым гибридам [13]. Как тут не вспомнить слова «вождя мирового пролетариата»: «прежде чем объединиться, нужно хорошенько разъединиться». Одно дело – междисциплинарные контакты и исследования, а другое – эклектика социальной мысли, которая противоречит современным тенденциям формирования дисциплинарного знания, выступающего в качестве исходного пункта его теоретизации. Для такой переживающей стадию становления науки, как социология, именно ее дисциплинарная организация, объединяющая теории разных уровней с уровнем эмпирических исследований, и представляет возможность перестраивать ее научные основания, содействовать переходу от стадии преднауки к стадии науки.

В этой связи обратимся к классификации социологических теорий, предложенной П. Штомпкой, с точки зрения их вклада в теоретизацию социологии. Он выделяет, как известно, четыре типа: 1) экзегетические, 2) аналитические, 3) эвристические и 4) объяснительные [15].

Первые из них, по его мнению, наименее полезны для социологии, поскольку представляют собой произвольные интеллектуальные упражнения на «любимую тему». Их содержание – разбор точек зрения и текстов других авторов. Эту стадию проходят все начинающие ученые, когда собирают в одну «кучу» самое существенное, что можно найти в литературе по интересующему их вопросу. Надежд на то, что в таком понятийном сумбуре социологическое знание будет четко отделяться от социального, питать не приходится. П. Штомпка относит к таким типам работ

По своему генезису все социологические теории являются социальными, но ведь не все социальные теории являются социологическими.

Для такой переживающей стадию становления науки, как социология, именно ее дисциплинарная организация, объединяющая теории разных уровней с уровнем эмпирических исследований, и представляет возможность перестраивать ее научные основания, содействовать переходу от стадии преднауки к стадии науки.

и довольно известные, которые многие считают социологическими. Например, «Объяснение и социальная теория» Н. Смелсера, «Капитализм и современная социальная теория» Э. Гидденса, «Структура социального действия» Т. Парсонса. Так что возможностей сочетать «кислое с пресным» для начинающего социолога предостаточно. Но при этом нельзя не признать значения таких работ на стадии формирования социологии как научной дисциплины.

Вторые (аналитические) обобщают и проясняют используемые в литературе понятия, разрабатывают типологии и классификации, имеют тенденцию к созданию концептуальных схем, без которых обзоры литературы и критические замечания в адрес оппонентов или других авторов могут показаться логически не убедительными. Но такие систематизация и концептуализация еще ничего не говорят о принадлежности социальной теории к социологии. Это общенаучная процедура работы с понятийным аппаратом, однако словарь социального и словарь социологического – это разные словари, они содержат слова с разной семантикой, грамматикой и прагматикой, если говорить языком семиотики. Первые отражают социальную практику, явления общественной жизни, как онтологию, а вторые – идеи о сути этих явлений и связи между ними. Это различие очень существенно для социологии вообще и для теорий «среднего уровня», в частности, особенно – для составления программ эмпирических исследований. Перевод социальной проблемы в социологическую – это перевод с практического языка на научный. Всякие попытки непосредственного измерения социальных явлений путем, например, опросов без социологической концептуализации предмета исследования, лишают полученные данные социологического статуса. Это в лучшем случае будут данные социальной статистики, полезные, возможно, для политиков, идеологов и управленцев, но малопригодные для науки. Тем более, что сомнения относительно социологичности социальной статистики уже не раз высказывались в социологической литературе.

Третий вид социологических теорий – эвристические. Это те, которые нельзя проверить эмпирически, но содержат образы социальных явлений и понятия, ориентирующие социологию на постановку проблем. П. Штомпка относит их больше к социальной философии, чем к социологии. Здесь обсуждаются «вечные» онтологические проблемы: что такое социальная реальность в отличие, скажем, от

природной, что такое социальный порядок, как и почему происходят социальные изменения. Собственно в этих теориях на определенном этапе формирования социологии как науки и должно произойти разделение социального и социологического, онтологического и гносеологического, практического и научного. Но, как показывает история социальный мысли и тесно связанная с ней история социологии, это разделение происходит с большим трудом, так что и марксизм, и структурфункционализм, и символический интеракционизм, и другие теории, типа теории технократизма Гэлбрайта и т. п., остаются в лучшем случае социально-философскими. Впечатляющее развитие таких теорий связано не с обнаружением и интерпретацией новых социальных фактов (это отдельный методологический разговор), а, по словам П. Штомпки, «с интеллектуальным напряжением», возникающим в связи с новыми идеями в развитии социальной мысли. К этим тенденциям мы еще вернемся, поскольку они имеют принципиальное значение для формирования социологии как дисциплинарного знания. Здесь скажем только то, что социальная мысль в конце XX и в начале XXI вв. в ее философской форме оказалась резонансно вовлеченной в формирование новой научной «картины мира» и в этом непреходящая роль эвристических теорий. Они имеют прямое отношение к пересмотру оснований социологии как науки и разрабатываются для того этапа, на котором решается проблема соединения теоретической социологии и эмпирического знания.

Ближе всего к этому этапу четвертый тип теорий – объяснительный. Здесь П. Штомпка слишком оптимистично, на наш взгляд, описывает происходящую в мировой социологии ликвидацию разрыва между социологической теорией и эмпирией. «Многие теоретики больше не занимаются абстрактными идеями, – пишет он, – а обращаются к таким реальным проблемам, как глобализация, личность, риск, доверие, гражданское общество, демократия, новые формы труда, социальные эксклюзии, моральные травмы и т. д. Эмпирические исследования якобы, по Штомпке, более не ограничиваются регистрацией фактов и сбором данных. Вместо этого они предлагают обобщающие модели на основе систематизированных фактов. В качестве примеров объяснительных теорий он называет теории девиантности, теорию коллективного поведения, социальных движений, этничности, теорию массовой информации, социального капитала, постматериальных ценностей и т. п. [16]. О том же

пишет и Ж. Т. Тощенко в статье «Социологическое знание: структура и уровни» [17]: «Эти теории не рассматривают глобальные взаимодействия, а выделяют характерные связи в рамках конкретных сфер общественной жизни. Иначе говоря, каждая из отраслевых социологических теорий состоит из совокупности теорий, изучающих такие процессы, которые образуют социально-экономические явления: социологию города и села, социологию рынка, социологию труда, демографические и миграционные процессы и т. д.». Ниже он добавляет этносоциологию, социологию семьи, молодежи, власти, права, международных отношений, военную социологию, образования, культуры, СМИ, науки, литературы и искусства и пр. Наряду с общей социологией, отраслевой и специальной выделяют еще и частные концепции. Такие как социологию образования с подразделением ее на социологии высшего, школьного и дошкольного образования. Таким образом, число описательно-объяснительных социологий множится и ветвится до единичных случаев. Спрашивается, за счет чего это многообразие сохраняет статус социологического знания? Ответ известен: за счет проведения эмпирических исследований, не обеспеченных программами, что сводит полученное знание к статистике мнений с весьма произвольной последующей интерпретацией.

В целом от позиции П. Штомпки, от того, как он себе представляет статус объяснительных теорий в социологии, остается противоречивое впечатление. С одной стороны, это вроде бы теории «среднего уровня», которыми руководствуются многочисленные отраслевые социологии. На Западе их около 60, у нас, по материалам последнего Всероссийского социологического конгресса, около 40. Но неясно, какие из них и как выражают дисциплинарный характер социологического знания. Из ссылки на учебник по социологии под редакцией С. Куа и А. Сейлса [18], цель которого – суммировать положение дел в разных областях социологии, вытекает, что такие теории больше приближаются к реальным социальным проблемам (*common people*), чем к «эзотерическим проблемам» профессиональных социологов. «Социальная теория процветает и выживает наилучшим образом, когда она занимается эмпирическими исследованиями и общественными вопросами» (Дж. Тренер). Ее функция – давать объяснение, или, по крайней мере, модель для лучшей организации разрозненных фактов и явлений, для их дальнейшей интерпретации и не только

для самой социологии (для коллег-теоретиков), но и для простых людей, чтобы давать им ориентацию, просвещение, понимание своего состояния, а в обществе – обеспечивать информацию для демократического дискурса. В связи с происходящими в обществе быстрыми и радикальными изменениями не только common people, но и политикам, как считает С. Calpoun, нужно ориентироваться в происходящей неразберихе. «Люди хотят знать, откуда они пришли, что они есть и куда идут. Адекватные представления об обществе, карты социальных отношений могут быть предоставлены только с помощью обобщенных объяснительных моделей». Последнее верно, но все, что говорилось выше, – это прямая индульгенция тем, кто профанирует социологию как науку.

Хочется извиниться перед читателями за то, что нам пришлось так подробно излагать все эти аргументы в пользу именно объяснительных теорий, но другой способ показать, насколько не только мы, но и продвинутая западная социология, слабо рефлектируем по поводу своего статуса как науки, трудно было найти.

Напрашивается вывод: синонимичность социального и социологического в процессе теоретизации социологии не случайность, это неотъемлемый спутник процесса ее теоретизации, и очень важно, чтобы он был хотя бы четко артикулирован.

Чем больше мы будем теоретизировать, что же такое общество от «человейника» до глобального общества, тем больше будем привлекать вненаучное (философское, эзотерическое, культурологическое и просто опытное) знание. Поэтому экзегетические и эвристические теории в такой системе координат оказываются важной интеллектуальной средой для развития социологической мысли. Аналитические и объяснительные теории намного ближе к формированию дисциплинарного статуса социологии как науки. Вопрос еще и в том, в какой степени социология стремится утвердить этот статус в самом обществе, которое ждет от социологии практических шагов и новых идей.

Понятно, что отвечать на запросы практики путем разработки объяснительных теорий недостаточно. Формирование у населения «социологического воображения», за что ратуют вслед за Р. Миллсом П. Штомпка, наши авторитетные социологи Н. Е. Покровский, С. А. Кравченко и новый президент МСАМ. Буровой, – скорее образовательная и пропагандистская, чем научно-исследовательская

Напрашивается вывод: синонимичность социального и социологического в процессе теоретизации социологии не случайность, это неотъемлемый спутник процесса ее теоретизации, и очень важно, чтобы он был хотя бы четко артикулирован.

программа. В предложенной выше иерархии социологических теорий (а она не единственная; можно, например, говорить о макро-, мезо- и микросоциологиях) не хватает одного важного звена, имеющего непосредственное отношение к практике. Речь идет о таких социологических прикладных теориях, которые непосредственно ее обслуживают (например, теория модернизации). Эти теории разрабатывают новые способы решения практических проблем в глобальном и региональном масштабах. В советское время такой теорией было обоснование и методолого-методическая разработка социального планирования. Благодаря ей произошла перелицовка всей системы авторитарно-технократического управления в стране от Госплана до отдельных предприятий, работавших ранее на основе устаревших техпромфинпланов. Но нельзя сказать, чтобы эта инновация спасла страну от застоя и последующего развала. Сейчас в связи с политикой модернизации материально-технической базы экономики и стремлением использовать информационные технологии есть потребность в разработке стратегических планов развития отраслей, регионов, предприятий, местного самоуправления. Это все комплексные задачи, но может ли иметь какое-то отношение к их решению социология, представляющая собой то разнообразие «социологий», о которых говорилось выше?

Трудно ответить на этот вопрос однозначно. С одной стороны, «да», поскольку современная социология содержит в себе достаточно большой массив внутридисциплинарного знания, охватывающего почти все без исключения уровни и сферы общественной жизни, от политической и экономической до сознания и поведения на уровне повседневности. Социологам не надо быть для этого политиками, менеджерами, экономистами, юристами, психологами, экологами или культурологами. Им нужно оставаться социологами, поскольку все необходимые теоретические знания и эмпирические данные у них уже есть. Но, с другой стороны, «нет», поскольку социология не обладает необходимым дисциплинарным единством, чтобы сопоставить и объединить это знание для практического решения многоаспектных комплексных проблем. Первым препятствием здесь являются полипарадигмальность; вторым – разрыв между теориями и эмпирией; третьим, и самым главным, методологические трудности в различении социальной и социологической реальностей, что задерживает социологию на стадии преднауки. Она способна что-то порекомендо-

вать практике, о чем-то предостеречь, но она не способна разработать такие идеи и технологии, которые содержали бы принципиально новые ответы на современные вызовы и угрозы. Для этого ей необходимо пересмотреть свои основания и методологические стратегии в отношении практики и выработать некий общий дисциплинарный подход.

В этой связи следует отметить, что стратегии практики и стратегии науки, особенно науки в ее современном понимании как постнеклассической, значительно различаются. Общество рассматривается сегодня как исторически развивающиеся, далекие от равновесного состояния диссипативные системы, порождающие, на основе самоорганизации, бесконечное разнообразие форм социальной жизни с наличием в каждый момент времени альтернативных вариантов их развития. Социальный мир под воздействием комбинации эндогенных и экзогенных факторов изменяется нелинейно, без гарантий устойчивого прогрессивного развития. Нелинейность заложена в повседневную практику, в деятельность различного уровня и генезиса субъектов социального действия и взаимодействия по модели «вызов – ответ». Задержка с ответом, как и его неадекватность, угрожают существованию тех или иных форм социальной жизни обществ и целых государств, а успешный ответ приводит к выживанию этих форм через механизм отбора наиболее приспособленных к сознательной селекции. Но успешный ответ сегодня не гарантирует распространения его результатов на завтра, когда возникнут новые риски и угрозы (см. об этом в работах О. Н. Яницкого [например: 19]). Поэтому социальная динамика никогда не превращается в надолго упорядоченный ламинарный поток и чревата спонтанными переходами в неуправляемое кавитозное состояние. Обыденному мышлению, непосредственно рефлексизирующему над проблемами практики, по теореме У. Томаса, присуща онтологичность, позволяющая влиять на поведение и направлять его на решение возникающих проблем по своему разумению. Поэтому социальная практика в режиме «вызовов и ответов» обладает стратегической интенцией, стремящейся упредить возможные последствия реактивных действий и получить в обозримом будущем положительный результат. Для его достижения она изобретает непредсказуемую комбинацию средств, которая с трудом поддается теоретическому упорядочению. По этой причине ни одна социальная теория практики не оказалась

состоятельной, будь то марксизм, в том числе в вариантах А. Грамши и Д. Лукача, структурфункционализм или праксеология Т. Котарбинского.

Стратегия науки до сих пор была принципиально иная. Наука была в своей родовой позиции способом получения нового знания об окружающем мире путем обнаружения в нем недоступных для текущей практики новых свойств и закономерностей, которые, возможно, будут, а, возможно, и не будут востребованы. По причине принципиальных различий стратегий практик и стратегий науки, положение науки в обществе на протяжении всей писаной истории и, особенно, начиная с Нового времени, складывалось драматически. Достаточно вспомнить судьбу Галилея, Коперника, Джордано Бруно и многих других гигантов мысли, и слова Гоббса: «Если бы геометрия заявила свое право на власть, она бы кончила свою жизнь на костре».

Как пишет В. С. Степин, «все перестройки оснований науки, характеризовавшие глобальные революции в естествознании, были вызваны не только его экспансией в новые предметные области, обнаружением новых типов объектов, но и ее социокультурной детерминацией, связанной с изменениями места и функций науки в общественной жизни» [14, с. 711]. Это замечание может быть отнесено как к тому историческому моменту, когда было объявлено о рождении науки об обществе, так и к нынешнему положению социологии в российском обществе. Обществу, кроме студентов, совсем не нужна та социология, о которой мы пишем в своих монографиях, а на ту, которая нужна была бы уже сегодня и действительно нужна будет завтра, на фундаментальную науку страна не выделяет бюджетных средств. Заполняет разрыв между теорией и практикой экспертное сообщество. Оно создает нужные сегодня власти практически ориентированные, но не научные, а обслуживающие теории и доктрины с произвольным использованием наработанных наукой знаний¹ [20]. Фундаментальные исследования в отечественной социологии тормозятся, таким образом, не только историческими или социокультурными причинами, но и непосредственно социально-политическими факторами. К ним нет интереса, прежде всего, у правящего политического класса. Поэтому приведение своей

¹ Как пример таких разработок см.: А. И. Ракитов и др. Системный анализ и аналитические исследования... Здесь автор пишет «... аналитические систематические исследования должны учитывать результаты, полученные в науке, и опираться на них, поскольку это возможно и необходимо. Но высшей целью аналитических исследований является решение задач, поставленных заказчиком» [23, с. 15 и др.].

Наука была в своей родовой позиции способом получения нового знания об окружающем мире путем обнаружения в нем недоступных для текущей практики новых свойств и закономерностей, которые, возможно, будут, а, возможно, и не будут востребованы. По причине принципиальных различий стратегий практик и стратегий науки, положение науки в обществе на протяжении всей писаной истории и, особенно, начиная с Нового времени, складывалось драматически.

дисциплины в соответствии с современной наукой – дело не столько властно-управленческих структур и далекого от науки бизнеса, на что многие из нас еще надеются, сколько гражданского общества, т. е. нас с вами и наших добровольных союзников и объединений из родственных ментальных групп и слоев.

Социология возникла в условиях идеалов, норм и онтологических принципов естествознания XVII–XVIII столетий, когда доминирующую роль играли идеи механицизма, а гносеологический субъект познания элиминировался от физического субъекта. После этого наука долго и трудно преодолевала свой первородный позитивизм. Но уже к первой половине XIX в. естествознание стало превращаться в дисциплинарно организованную науку. Это означало, что на смену природной реальности как общего объекта познания, пришли дисциплинарные реальности: «физическая», «химическая», «астрономическая», «биологическая», что увеличило возможности взаимного обогащения за счет переноса знаний между ними и в итоге привело к созданию обобщенной научной «картины мира». В социологии «социологическая реальность» не утвердила свои позиции до сих пор. В Европе и США дисциплинарная социология сложилась относительно недавно, к 30-м гг. прошлого века. А в России социология как научная и учебная дисциплина официально появилась только в конце XX в. и только недавно несколько сровнялась с развитием мировой социологии. Отсюда и специфически сложная ситуация становления отечественной социологии как научной дисциплины и те противоречия, которые она отмечает, формулирует и пытается разрешить.

Но за это время произошла уже и третья по счету глобальная научная революция (с конца XIX до середины XX вв.), которая привела к появлению неклассического естествознания и, соответственно, к изменению типа научной рациональности.

В последней трети прошлого столетия мы стали свидетелями новых радикальных изменений в основаниях науки и в типе ее рациональности, называемой в литературе постнеклассической. Поэтому и в мировой, и в отечественной социологии назревает радикальный пересмотр форм научной деятельности: с описательно-объяснительных на проблемно ориентированные, с узко предметных на комплексные научно-исследовательские программы, с догоняющих практику теорий на опережающие ее идеи и технологические

Фундаментальные исследования в отечественной социологии тормозятся, таким образом, не только историческими или социокультурными причинами, но и непосредственно социально-политическими факторами. К ним нет интереса, прежде всего, у правящего политического класса. Поэтому приведение своей дисциплины в соответствие с современной наукой – дело не столько властно-управленческих структур и далекого от науки бизнеса, на что многие из нас еще надеются, сколько гражданского общества, т. е. нас с вами и наших добровольных союзников и объединений из родственных ментальных групп и слоев.

разработки. Самым, может быть, важным обстоятельством стало снятие неокантианского «вето» на отношения между науками о природе и науками «о духе». Сегодня признаются три вида равноправных объектов фундаментальной науки и, соответственно, три корпуса наук: о природе, об обществе и о человеке. Причем в постнеклассической науке все объекты считаются «человекообразными», т. е. развиваются на основе деятельностного отношения человека к миру. Это дало возможность в качестве основы современной научной «картины мира» принять единую концепцию универсального эволюционизма и разработать новые мировоззренческие ориентиры цивилизационного развития. Объективно, истинное объяснение и описание всех явлений природы, общества и человека предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений и норм исследований. При этом от науки требуется учет и проблем этического характера, определяющих границы возможного вмешательства в объект, что особенно важно для такого объекта, как общество и его подсистемы. Приращение знания при этом соотносится с общегуманистическими принципами и ценностями. Переосмысливается историческая изменчивость не только онтологических оснований, но и самих идеалов и норм познания. Соответственно, уточняется и обогащается содержание таких категорий, как «теория», «объект», «метод», «факт», «обоснование», «объяснение», «научная новизна» и «стратегия исследования», что задает социологии новые критерии научности.

В целом, по В. С. Степину, общая научная «картина мира» может быть рассмотрена как новая форма знания, которая регулирует постановку фундаментальных научных проблем и целенаправляет трансляцию представлений и принципов из одной науки в другую. Это глобальная научно-исследовательская программа, на основе которой формируются ее более конкретные, дисциплинарные исследовательские программы [14, с. 610], к числу которых не может не присоединиться и такая становящаяся дисциплина, как социология.

Науки о природе, обществе и человеке имеют и приграничные области, где и объект, и предмет, и методы носят комбинированный характер, что создает дополнительные теоретико-методологические трудности их самоидентификации, но не должно приводить к произвольной эклектике. Одно недавнее выделение культурологии и политологии

И в мировой, и в отечественной социологии назревает радикальный пересмотр форм научной деятельности: с описательно-объяснительных на проблемно ориентированные, с узко предметных на комплексные научно-исследовательские программы, с догоняющих практику теорий на опережающие ее идеи и технологические разработки.

в самостоятельные дисциплины дает повод поразмыслить над ростом дифференциации корпуса социальных дисциплин. Отдельные эпистемологические проблемы связаны и с формированием корпуса гуманитарной науки, решение которых значительно ускорило бы дисциплинирование и самой социологии. По крайней мере, сегодня некорректно говорить о социально-гуманитарном знании как о едином комплексе научного знания. Это разные типы знания и по объекту, и по методу получения.

Построения научной картины социальной реальности определяются тремя фундаментальными условиями: 1) любые представления об обществе должны строиться с учетом его исторического развития, ретроспективно и перспективно; 2) социальную жизнь следует рассматривать как целостное явление, как результат и условие осуществления многообразной человеческой деятельности; 3) во всех социальных процессах следует учитывать включенность в них человеческого сознания и используемого знания.

Преднаучный этап развития дисциплинарной социологии следует рассматривать как этап переноса естественнонаучных, социально-философских и вненаучных знаний на способы описания и объяснения социальных процессов, что проходило в форме конкурирующих исследовательских программ (Конт, Маркс, Спенсер, Дильтей, Дюркгейм, Зиммель, Вебер и др.), предлагавших различные дисциплинарные онтологии для переживающей становление социально-гуманитарной науки. Этот этап заканчивается разделением социальных и гуманитарных дисциплин, которые постепенно приобретают свои специфические основания и импульс собственного развития. Отечественная социология сегодня одновременно решает проблемы внутрисциплинарной интеграции, междисциплинарного сотрудничества и укрепления своего положения в системе: «власть – общество – наука». Основная стратегия ее развития – разработка новых технологий социальных действий на основе интегральных теоретико-методологических средств, опережающих практику трансформирующегося общества. Произвольное приписывание умозрительным схемам и теориям парадигмального статуса – пережиток уходящей эпохи.

Отсутствие разграничения между социальным и социологическим знанием, социальными и социологическими теориями изживается путем принятия кумулятивной стратегии проведения исследований, в которой предусматри-

Построения научной картины социальной реальности определяются тремя фундаментальными условиями: 1) любые представления об обществе должны строиться с учетом его исторического развития, ретроспективно и перспективно; 2) социальную жизнь следует рассматривать как целостное явление, как результат и условие осуществления многообразной человеческой деятельности; 3) во всех социальных процессах следует учитывать включенность в них человеческого сознания и используемого знания.

вается в обязательном порядке анализ предшествующего знания, способа его получения и обоснование приращения знаний в предметном поле определенной социологической теории. Дальнейшее дисциплинарное развитие отечественной социологии приведет к выделению «социологической реальности» в процессе российской трансформации в качестве признанного научного объекта исследовательских программ и комплексных дисциплинарных исследований.

Одной из продуктивных стратегий отечественной социологии может стать деятельностно-активистский подход, уже получивший фундаментальное теоретико-методологическое обоснование в работах А. Турена, М. Арчер, Дж. Александера, Э. Гидденса, П. Штомпки, П. Бурдьё и ряда российских социологов. Нам уже приходилось писать о результатах «мысленного эксперимента» В. А. Ядова, в рамках которого был проведен анализ пригодности существующих в мировой социологии теорий для адекватного описания и прогноза трансформаций российского общества. Он сразу отмел феноменологический подход исследования повседневности и социоантропологический как не рассматривающие общество на социетальном уровне. Оставил для анализа марксистский и конструктивистский подходы, теорию модернизации (в варианте девелопментаризма), глобалистские, неоинституциональные и деятельностно-активистские теории. Проверка их на применимость к российским реалиям показала, что наибольшее значение могут иметь неоинституциональные теории, поскольку признают зависимость будущего России от процесса институционализации действующих в обществе культурно-политических сил (Т. И. Заславская), и деятельностно-активистский подход, поскольку он позволяет определить происходящие в нашей стране изменения в мировой сетке координат: 1) глобально-локальных, 2) традиционно-инновационных. И в том, и в другом случае определяющую роль играет способ формирования субъектности общества и механизмов укрепления позиций доминирующих субъектов, их социокультурный состав и мобилизационные возможности.

Последовавшие за этой публикацией события в нашей стране показали, что для объявления политики новой модернизации правящему классу пришлось-таки решиться на изменения в политической элите, что корреспондируется с деятельностно-активистским подходом, по которому у «не-

Отечественная социология сегодня одновременно решает проблемы внутридисциплинарной интеграции, междисциплинарного сотрудничества и укрепления своего положения в системе: «власть – общество – наука». Основная стратегия ее развития – разработка новых технологий социальных действий на основе интегральных теоретико-методологических средств, опережающих практику трансформирующегося общества. Произвольное приписывание умозрительным схемам и теориям парадигмального статуса – пережиток уходящей эпохи.

Дальнейшее дисциплинарное развитие отечественной социологии приведет к выделению «социологической реальности» в процессе российской трансформации в качестве признанного научного объекта исследовательских программ и комплексных дисциплинарных исследований.

расторопного» субъекта будущее случается неожиданно, а у «активного» и мобилизованного будущее выбирается из альтернативных вариантов и «конструируется».

Деятельностно-активистский подход, на наш взгляд, обладает тем достоинством, что он потенциально способен синтезировать конструктивистскую, номиналистскую и реалистскую методологические стратегии в социологии и поддается дальнейшему усовершенствованию.

Так, (первое) в нем требует доработки базисный социально-философский тезис: общество представляет собой не естественно-исторический, а социально-исторический процесс. Из этого тезиса ушло онтологически существенное представление об обществе как о природном явлении, за которым стоит мощный фактор исходных неравенств по полу, возрасту, этническому и другим признакам, воспроизводящим архаические и традиционные формы общественной жизни. Разделение естественного и искусственного в общественной жизни, отмеченное во многих теориях экзегетического и эвристического типов как проблема, продолжает играть существенную роль и в формировании сознания и поведения субъектов практики, но оно не находит в социологии адекватной интерпретации. Действия примордиальных сил по-прежнему представляются многим как второстепенные.

Второе связано с самой практикой. В деятельностно-активистском подходе недооценивается, например, открытие стратегий практики, сделанное в работах П. Бурдьё.

Как пишет Н. А. Шматко, редактор и автор послесловия к переводу основополагающего труда П. Бурдьё «Практический смысл», получившего известность как «манифест теории практики»: «Если и возможно сравнение П. Бурдьё с К. Марксом, то оно должно относиться скорее к масштабу воздействия на современную им науку» [21, с. 561]. Здесь же приводятся слова Р. Коркуфа (Corcuff): «Будущее социологии, несомненно, пост-бурдьёвское, точно также, как оно было до Бурдьё пост-марксистским. Начиная с этого момента, следует считать вклад Бурдьё, наряду с Марксом, опорной точкой развития социальных наук, позволяющей им осваивать новые области». При такой аттестации можно было бы и Бурдьё отнести к первопроходцам-открывателям континентов социальной реальности. Однако именно социологическая разработка им категории «практика» делает Бурдьё родоначальником нового этапа ее теоретизации.

Одной из продуктивных стратегий отечественной социологии может стать деятельностно-активистский подход... Этот подход, на наш взгляд, обладает тем достоинством, что он потенциально способен синтезировать конструктивистскую, номиналистскую и реалистскую методологические стратегии в социологии и поддается дальнейшему усовершенствованию.

Обычно, характеризуя научное творчество этого автора, делают акцент на новом подходе и категориальном аппарате исследования. И то, и другое у Бурдье есть, но, говоря о его вкладе в теоретическую социологию, можно использовать слово «открытие». Оно относится к «социологической реальности». Бурдье удалось преодолеть традиционные для периода становления социологической науки препятствия – оппозиции реализма и номинализма, субъективизма и объективизма, – введя «практику» не как социальное, а как социологическое понятие. В отличие от понятия «социальное действие», используемого в духе объективизма в структурфункциональном анализе и в системном подходе, а также в духе субъективизма в феноменологии и в этнометодологии, которое препарируется в этих парадигмах в уже снятом, застывшем, засушенном схемами виде, Бурдье показал, что живую практику можно удержать и исследовать в научной системе координат. Это похоже на обнаружение в физике различных ориентаций диполей под воздействием магнитного поля или на введение понятия кванта в теоретическую механику. «Монополисты дискурса о социальном мире, – как пишет сам Бурдье, – мыслят по-разному, всякий раз приписывают практике ориентации, которые вытекают из надуманных ими концептуальных схем. Экономисты, например, то признают у хозяйствующих агентов способность к рациональной оценке объективных шансов, то отдают приоритет саморегулирующимся механизмам рынка. Но этого мало. Главное, что теоретическое видение практики выдается за ее подлинное проявление, что ведет к «разрушению практики», подчиняет ее вневременному времени науки... Короче говоря, практика всецело имманентна длительности, а потому идет рука об руку со временем, ...потому что в самой ее стратегии заложено обыгрывание времени и особого темпа» [21, с. 158]. Эта «теоретическая ошибка», как говорит Бурдье, есть фундаментальное несоответствие логики практики и логики существующей социологической науки. Чтобы описать практику теоретически, Бурдье разрабатывает аппарат, состоящий из уже известных по публикациям дефиниций («диспозиции», «габитусы», «экономический, социальный и символический капиталы», «акторы», «поля», «социальные пространства» и др.); но, применяемые по отдельности, они не дают представления об эвристической ценности предложенной им «практической теории практики» для перехода социологии из состояния

преднауки в состояние науки. Для практики социологических исследований это означает, что в проблемное поле социологии включается не просто «актор», а актер с имманентно присущим вектором поведения. Можно привести немало примеров, когда социологи, политологи, экономисты приписывают разработанные ими стратегии субъектам действия, но подлинно социологическое видение объекта исследования состоит в том, что онтологически не бывает практики без стратегии, что любая практика одновременно нагружена и «сущим», и «должным». В этой связи требуется новое осмысление и оснований используемых в социологии методологических стратегий.

И это не единственные предложения относительно усовершенствования деятельностно-активистского подхода. Требуется и состыковка понятийного аппарата его родоначальников со стратегией эмпирического социологического исследования, наиболее полно, на наш взгляд, разработанной последовательным сторонником этого подхода В. А. Ядовым. Также потребуются соответствующие методологические преобразования.

Как следует из методологии науки, вслед за принятием современной «картины мира», в период научных революций пересматриваются философские основания науки, идеалы и нормы исследования, стратегии и базовые парадигмы. Всю эту работу предстоит проделать и современной социологии, чтобы она завершила переход из состояния преднауки в состояние дисциплинарной науки об обществе. Ориентация отечественной социологии на критерии постнеклассической науки, разработанные наиболее продвинутой по сравнению с Западом отечественной философией и методологией науки, дают ей исторический шанс занять подобающее место в мире и в российском обществе. Нам необходимо преодолеть чрезмерную фрагментацию социологического знания, сделать ряд шагов для приобретения социологией дисциплинарного статуса и выйти на проблемно-ориентированный тип фундаментальных исследований. Общий метапроект, о котором говорилось нами в предыдущей статье [3], может стать интегрирующим фактором для теоретической социологии и способом координации эмпирического уровня исследований. Построение в России «хорошего» общества как цель его движения в будущее, может стать той аксиологической и социотехнологической инновацией, которая опережает существующую практику

Построение в России «хорошего» общества как цель его движения в будущее, может стать той аксиологической и социотехнологической инновацией, которая опережает существующую практику и в то же время не является надуманным и недостижимым идеалом. Такого сигнала от социологии ждет и формирующееся у нас гражданское общество.

и в то же время не является надуманным и недостижимым идеалом. Такого сигнала от социологии ждет и формирующееся у нас гражданское общество.

Библиографический список:

1. Тихонов А. В. Эпистемологический статус социологического знания и некоторые проблемы внутри научной рефлексии в отечественной социологии // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 6. М.: Института социологии РАН, 2007.
2. Тихонов А. В. Посткризисный синдром отечественной социологии и проблема новой повестки дня // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 7. М.: Института социологии РАН, 2008.
3. Тихонов А. В. Российское общество как новая социальная реальность и метапроект отечественной социологии // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 8. М.: Института социологии РАН, 2009.
4. Кирдина С. Г. Современные социологические теории: актуальное противостояние // Вехи российской социологии (1950-2000 гг.) Отв. ред. Ж. Т. Тощенко, Н. В. Романовский. М.: Алетейя, 2010.
5. Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991.
6. Ионин А. Г. Социология в обществе знаний от эпохи модерна к информационному обществу. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2007.
7. Пригожин А. И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М.: «Дело» АНХ, 2010.
8. Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований. Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Канон`1`» РООИ «Реабилитация», 2010.
9. Полякова М. Л. Общество и его основные сферы // Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник. Под ред. чл.-корр. РАН Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 226.
10. Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. М.: Логос, 2010.
11. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. М.: Интерсоцис, 2006.
12. Turner, B. Introduction // Blackwell companion to Social theory. Oxford: Blackwell, 1996, pp. 1–16.
13. Dogan, M. The new social sciences: Cracks in the discipline: nary walls // International Social Science Journal. 1997. Vol. 153, pp. 429–443.
14. Степин В. С. Теоретическое знание. Историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

15. Штомпка П. Теоретическая социология и социологическое воображение // Социологический журнал. М.: Логос, 2001. № 1.
16. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005. С. 101 и др.
17. Тощенко Ж. Т. Социологическое знание: структура и уровни // Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник. Под ред. чл.-корр.РАН Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 37.
18. International handbook of Sociology. London, 2000.
19. Яницкий О. Н. Изменяющийся мир России: ресурсы, сети, места // Мир России. Т. XIX. 2010. № 3.
20. Системный анализ и аналитические исследования. Руководство для профессиональных аналитиков / А. И. Ракитов и др. М.: РФФИ, 2009.
21. Бурдые П. Практический смысл / Редакция и послесловие Н. А. Шматко. М.: Алетейя, 2001.